

— Спасибо, спасибо! однако, и вы смѣлы, посѣщая чело-
вѣка, котораго считаютъ ренегатомъ, измѣнникомъ, чуть не по-
литическимъ преступникомъ. У меня прогостилъ какъ-то съ
полдня жандармскій офицеръ; такой милый, умный чело-
вѣкъ; гдѣ-то мы съ нимъ встрѣчались... Мои земляки, по возвращеніи
моемъ изъ заграницы, выбрали меня сейчасъ же почетнымъ
мировымъ судьей, слѣдовательно, не придали никакого значенія
этимъ бабьимъ сплетнямъ... Ну, скажите, что подѣлываютъ ваши
харьковцы?

Я называлъ нѣсколько фамилій, которыхъ П. Ал., оказалось,
зналъ, какъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Мое знакомство съ
ними и воспоминанія ихнія о немъ увѣрили П. А., что къ нимъ
въ домъ прибылъ чело-
вѣкъ, заслуживающій въ извѣстной сте-
пени довѣрія.

На другой день прибылъ братъ Александры Михайловны,
г. Бѣлозерскій, привезъ газеты. П. А. съ жадностью взялся
читать ихъ. Экономическая сторона жизни Кулишей была въ
плохомъ видѣ: они не могли выписывать ни одной путной га-
зеты. Редакція „Южнаго Края“ долго высылала имъ бесплатно
свою газету. Александра Михайловна сама вела сельское хо-
зяйство, была и на полѣ, но такъ уставала въ хлопотахъ, что
иногда прямо таки падала, по ея словамъ, среди поля отъ уста-
лости и безсилія. Они собирались тогда отдать свой небольшой
хуторъ, около 50 десятинъ, въ аренду какому-то поляку, по
рекомендаціи нотаріуса г. Борзны, тоже поляка. Какъ-то явился
и будущій арендаторъ, темно-рыжій уроженецъ Сибири... Я не
совѣтовалъ отдавать П. А. въ аренду хуторъ уроженцу Сибири.
Ниже я скажу, что случилось.

Въ разговорахъ съ П. А. я старался не касаться предме-
товъ, непріятныхъ для П. А., не спрашивалъ о прошломъ, пре-
доставляя ему самому, сообразно его взгляду на меня, выска-
заться, познакомить меня съ собою болѣе интимно. Какъ-то я
спросилъ П. А., чѣмъ онъ теперь занятъ, что пишетъ. Онъ по-
велъ меня въ свой рабочій кабинетъ, не имѣвшій никакихъ
ровно украшеній, обстановки, а просто стоялъ его рабочій, прос-
тецкій столъ, деревянный стулъ и рабочее кресло, деревянное,

старосвѣтское. П. А., положи руку на колодку въ полъ аршина высоты рукописей, сказалъ мнѣ; „вотъ это переводъ мой Шекспира на малорусскій языкъ... уже я оканчиваю; первый томъ я уже напечаталъ въ Галиціи, да весь тамъ онъ и остался, и не знаю, что тамъ съ нимъ... ну, скажите, ренегатъ, измѣнникъ будетъ-ли заниматься переводомъ Шекспира на малорусскій языкъ? Въ будущность украинской литературы я вѣрю.

— Можетъ быть, сказалъ я, ввела нашихъ земляковъ въ заблужденіе ваша рѣшимость принять австрійское подданство, о чемъ я читалъ въ столичныхъ газетахъ; да таки многихъ это удивило: зачѣмъ, что оно могло дать вамъ? Вѣдь въ положеніи русскаго подданнаго въ Галиціи вы независимы.

— Да, да, вѣрю,—сказалъ П. А.—Видите ли, что за исторія со мною случилась. Въ послѣднюю мою поѣздку во Львовъ я много занимался въ архивахъ польскихъ книгохранилищъ; поляки не щадятъ средствъ для культуры; въ библіотекѣ Осолинскихъ находятся драгоцѣннѣйшіе матеріалы для нашей исторіи. Живя во Львовѣ и встрѣчаясь съ русинами, я слышу всюду, что галичане дышатъ адскою злобою на поляковъ, а поляки еще больше на галичанъ; мнѣ казалось, что недалеко дѣло было отъ рѣзни. Я напечаталъ „Крашанку“, взывая къ обоимъ о мирѣ, братствѣ, уступчивости, говоря, что религіозная нетерпимость между ними внушена духовенствомъ... Я написалъ извѣстному польскому литератору г. Крашевскому, прося его содѣйствовать мнѣ, печатно повліять на поляковъ въ примирительномъ духѣ. Крашевскій мнѣ отвѣтилъ, что уже онъ старикъ и не имѣетъ достаточнаго вліянія на своихъ соплеменниковъ. Отвѣтъ этотъ хранится у меня и до сихъ поръ. Вотъ однажды встрѣтился я въ ресторанѣ съ давнимъ моимъ знакомымъ полякомъ К—ли, предки котораго, какъ и онъ, были протестантами,—поляки протестанты не фанатичны,—это очень важно. Онъ мнѣ отъ группы какихъ-то богатыхъ польскихъ пановъ сдѣлалъ такое предложеніе: „нѣсколько польскихъ богатыхъ пановъ желаютъ помочь вамъ, панъ Кулишъ, въ осуществленіи вашихъ культурныхъ стремленій; они знаютъ, что вы человѣкъ не богатый, поэтому предлагаютъ вамъ самому назначить сумму